

УДК 811.511:142

DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-2-309-318

Структурно-семантические особенности обско-угорских глаголов с превербами йухи / йохы / йӱжэ / юв

В. Н. Соловар

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
solovarv@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Для системного описания превербов хантыйского языка и их функциональных соответствий в мансийском языке проведено детальное описание семантики, сочетаемости и синтаксической валентности глагольных групп, в которые входят эти единицы. Рассматривается семантика и синтаксическая сочетаемость хантыйских и мансийских глаголов разных лексико-семантических групп: движения, перемещения, действия и др. – с превербом *йухи / йохы / йӱжэ / юв* ‘обратно, назад, домой’.

Цель: описать круг глаголов, сочетающихся с превербом *йухи / йохы / йӱжэ / юв*, их переход из одной лексико-семантической группы в другую, сопоставить систему валентностей и синтаксическую сочетаемость глаголов с данным превербом в обско-угорских языках.

Материалы исследования: глаголы с превербом *йухи / йохы / йӱжэ / юв* казымского, приуральского, сургутского диалектов хантыйского и диалектов мансийского языков, собранные автором у информантов и извлечённые из словарей хантыйского и мансийского языков.

Результаты и научная новизна. Впервые выявлен максимально полный список глаголов, сочетающихся с превербом *йухи / йохы / йӱжэ / юв* в разных диалектах хантыйского и мансийского языков.

Описано изменение системы валентности глаголов при сочетании с данным превербом, а также модификация семантики глагола при сохранении системы валентностей. Установлены различия в семантике синонимичных превербов сургутского диалекта *йӱжэ* и *пӱжи*, мансийских превербов *юв* и *ювле* при выражении пространственных значений. Количество валентностей производных глаголов либо сохраняется, либо уменьшается. Глаголы лексико-семантической группы движения и перемещения теряют локативную валентность; валентность глаголов действия может сохраниться или уменьшиться. Состав семантической группы глаголов изменяется за счёт синтаксической сочетаемости глагола с разными типами субъектов и объектов (одушевлённых, неодушевлённых). Результаты исследования могут быть использованы для составления словарей, при сопоставлении родственных и разноструктурных языков, а также для написания научной грамматики хантыйского языка.

Ключевые слова: преверб, обско-угорские языки, валентность, лексико-семантическая группа, глаголы движения, глаголы перемещения, глаголы действия.

Благодарность: автор выражает благодарность анонимным рецензентам, а также всем своим информантам, владеющим хантыйским и мансийским языками.

Для цитирования: Соловар В. Н. Структурно-семантические особенности обско-угорских глаголов с превербами *йухи / йохы / йӱжэ / юв* // Вестник урведования. 2022. Т. 12. № 2. С. 309–318.

Structural and semantic features of Ob-Ugric verbs with preverbs *jõxi / jɔxi / jӱжэ / juw*

V. N. Solovar

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
solovarv@rambler.ru*

ABSTRACT

Introduction: for a systematic description of preverbs of the Khanty language and their functional correspondences in the Mansi language, a detailed description of the semantics, compatibility and syntactic valence of the verb groups in which these units are included is carried out. The semantics and syntactic compatibility of Khanty and Mansi verbs of different lexical and semantic groups (movements, displacement, actions, etc.) are considered with the preverbs *jõxi / jɔxi / jӱжэ / juw* ‘back’.

Objective: to describe the circle of verbs combined with the preverbs *jõxi / jɔxi / jӱжэ / juw*, their transition from one lexical and semantic group to another; to compare the valence system and syntactic compatibility of verbs with these preverbs in the Ob-Ugric languages.

Research materials: verbs with the preverbs *jõxi / jɔxi / jӱжэ / juw* of the Kazym, Ural, Surgut dialects of the Khanty language and the dialects of the Mansi language, collected by the author from informants and extracted from the dictionaries of the Khanty and Mansi languages.

Results and novelty of the research: the most complete list of verbs combined with these preverbs in different dialects of the Khanty and Mansi languages has been revealed. Verbs of different lexical and semantic groups combined with the preverbs *jöxi / jöxi / jǎǰǎ / juw*, which are mainly attached to the verbs of action, movement, displacement, etc., has been identified.

The article describes a change in the valence system of verbs when combined with these preverbs, as well as a modification of the semantics of a verb while maintaining the valence system. The differences in the semantics of synonymous preverbs *jǎǰǎ* and *pǎrxi* of the Surgut dialect, Mansi preverbs *juv* and *juvle* in the expression of spatial meanings are established. The number of valences of derived verbs is either preserved or reduced. Verbs of the lexical and semantic group of movement and displacement lose their locative valence; the valence of action verbs may remain or decrease. The composition of the semantic group of verbs changes due to the syntactic compatibility of a verb with different types of subjects and objects (animate, inanimate). The results of the study can be used to compile dictionaries, to compare unrelated and different-structured languages, as well as to write a scientific grammar of the Khanty language.

Key words: preverb, Ob-Ugric languages, valence, lexical and semantic group, verbs of movement, verbs of displacement, verbs of action.

Acknowledgments: the author expresses the gratitude to anonymous reviewers, as well as to all his informants who speak the Khanty and Mansi languages.

For citation: Solovar V. N. Structural and semantic features of Ob-Ugric verbs with preverbs *jöxi / jöxi / jǎǰǎ / juw* // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2022; 12 (2): 309–318.

Введение

Глагольным превербом мы считаем служебную часть речи, маркирующую позицию предмета в пространстве, участвующую в словообразовании и изменении аспектуальных свойств глагола, модифицирующую семантику глагола в зависимости от синтаксической сочетаемости.

Семантика и синтаксическая сочетаемость глаголов хантыйского и мансийского языков с превербами всё ещё исследованы фрагментарно. Между тем от семантики глагола зависит система его валентностей, т. е. количество актантов, образующих модель элементарного простого предложения. Тип модели определяется свойствами глагольной основы, наличием / отсутствием превербов и определённых суффиксов.

В угорских языках достаточно подробно описаны венгерские превербальные единицы, которые относят к служебным словам, передающим прежде всего пространственные значения [22; 23; 24]. Отдельные работы посвящены анализируемым единицам в обско-угорских языках [1; 13; 26; 28; 29]. Глагольные превербы казымского диалекта *нух, лǎп, ил, ким, кǎтна* исследованы в статьях В. Н. Соловар [15; 16; 17; 18]. Аспектуальный и дискурсивный анализ превербальных единиц *нух* и *йухи* в западных диалектах выполнен А. Н. Закировой, Н. А. Муравьёвым [4]. Несколько глаголов с превербальной единицей *пелки* рассмотрено Е. В. Кашкиным [5]. В статье Н. Б. Кошкаревой описаны особенности функционирования превербов в бытийно-пространственных предложениях в зависимости от актуального членения высказывания [6].

Количество и состав превербов хантыйского языка в описаниях разных авторов варьирует. В «Диалектологическом и этимологическом словаре хантыйского языка» приведено несколько глаго-

лов с приставками [3]. В. Штейниц выявил 13 глагольных приставок [27], И. А. Николаева назвала шесть превербов приуральского диалекта [26]. Некоторые глаголы с изучаемыми единицами отмечены в работах по хантыйскому и мансийскому языкам [1; 2; 9; 10; 11; 12; 13; 19; 21]. Е. И. Ромбандеева приводит краткое описание превербов *юв-(ёв), ювле* [12].

Исследуемый преверб имеется во всех диалектах хантыйского языка. Так в разных диалектах представлены фонетически близкие продуктивные глагольные превербы: каз. *йухи*, приур. *йохы*, шур. *йõхи*, сург. *йǎǰǎ*, вах. *йоу*. В мансийском языке аналогом этому превербу является *юв*.

Функционирование превербальных единиц по диалектам совпадает не полностью, они синонимичны разным превербам, так, например, казымским глаголам с превербом *йухи* в приуральском диалекте может соответствовать глагол с превербом *йǎл* или без преверба; в сургутском диалекте превербу *йǎǰǎ* соответствует синоним *пǎрхи*; в мансийском языке имеются синонимичные превербы *юв* и *ювле*.

Превербы *йухи / йохы / йõхи / йǎǰǎ / юв* присоединяются к глаголам разных лексико-семантических групп (ЛСГ): действия, перемещения, движения и др. – и обозначают, что объекты могут двигаться или перемещаться в обратном направлении, назад, на прежнее место нахождения, внутрь чего-либо; движение может быть приостановлено; акциональное действие движется к завершению (пределу).

Глаголы казымского диалекта, присоединяющие преверб *йухи*, функционируют и без преверба. Преверб *йухи* происходит от наречия *йухи* или *йухлы* ‘назад, обратно, домой’, при этом только один глагол *керлǎты* присоединяет обе эти единицы.

Превербы *йухи / йохы / йѳхи / йѳжэ / юв* антонимичны превербам *ким / кэм / кон / кян* ‘наружу’. Преверб мансийского языка *юв* восходит к наречию *юв / ѳв* ‘внутри’, обозначает действие, направленное внутрь предмета, а также законченность действия [12].

Сочетаясь с превербом, разные глаголы формируют разные системы валентностей. В статье описывается семантика, система валентностей и синтаксическая сочетаемость глаголов с превербами *йухи / йохы / йѳжэ / юв*, исследуются особенности перехода глагола из одного семантического класса в другой при присоединении преверба, проводится сопоставление названных процессов в обско-угорских языках.

Глаголы рассматриваются как семантические предикаты, репрезентирующие типовые ситуации. Модель управления отражает ролевую структуру глагола – его способность иметь некоторое количество актантов в нужной грамматической форме, она создаётся на основе множества употреблений каждого глагола как предельно исчерпывающий перечень его лексикографически значимых ролей.

При изучении системных связей между единицами в составе элементарного простого предложения (ЭПП) мы основываемся на теоретических трудах М. И. Черемисиной [20] и Н. Б. Кошкаревой [6; 7; 8], посвящённых моделированию простого предложения как единицы языка, в них сформулированы критерии выделения основной единицы синтаксиса, описаны дифференциальные признаки, системные связи в области синтаксиса.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили примеры с превербами *йухи / йохы / йѳжэ / юв* казымского, приуральского (усть-собский говор),

сургутского диалектов хантыйского языка, среднесосьвинского, верхнесосьвинского говоров, кондинского диалекта мансийского языка. В данной статье мы проанализировали 28 глаголов казымского диалекта с превербом *йухи* из хантыйских текстов, словарей и полученных от информантов; 26 глаголов с превербом *йохы* усть-собского говора приуральского диалекта; 10 примеров сургутского диалекта; 26 глаголов среднесосьвинского говора получено от информантов, 27 глаголов верхнесосьвинского говора мансийского языка приведено в мансийско-русском и русско-мансийский словаре [11]. В «Хантыйско-русском словаре» [14, 164–166] приведено 25 глаголов с превербом *йухи* и имеются сведения о сочетаемости данных глаголов. В мансийско-русском словаре [1] приведено 26 глаголов кондинского диалекта с превербом *юв*, 25 глаголов приведено из среднесосьвинского говора [13].

При анализе материала использованы методы: наблюдение, анкетирование, опросы информантов, сравнительно-сопоставительный, описательный, моделирование, компонентный анализ,

Результаты

Семантика глагольных конструкций с превербами *йухи / йохы / йѳжэ / юв* зависит от того, к глаголам каких ЛСГ этот преверб присоединяется: при бытийно-пространственных глаголах он указывает на то, что объекты движутся или перемещаются в обратном направлении: *домой / внутрь* чего-либо, при этом акцент делается на перемещении / движении в обратную сторону, на процесс возвращения, не на конкретную локализацию; при статальных глаголах состояние субъекта не изменяется; при акциональных – полное завершение действия.

Количественное распределение материала см. в табл. 1.

Таблица 1

Присоединение превербов *йухи / йохы / йѳжэ / юв* к глаголам разных ЛСГ

ЛСГ	Хантыйский язык						Мансийский язык					
	Казымский		Приуральский		Сургутский		Среднесосьвинский		Верхнесосьвинский		Кондинский	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Акциональная (модель воздействия)												
Действия	12	42,85	17	65,3	1	14,2	17	68	12	44,4	12	46,1
Речи	1	3,57			1	14,2						
Состояния	2	7,14										
Модель движения / перемещения												
Движения	9	32,14	9	34,6	3	42,8	5	20	13	48,1	8	30,7
Перемещения	4	14,2			2	28,5	3	12	2	7,4	6	23,07
Всего	28	100	26	100	7	100	25	100	27	100	26	

Представим результаты формирования ЛСГ глаголов с помощью преверба *йухи / йохы / ййцэ / юв* в таблице 2.

Таблица 2

ЛСГ глаголов с превербом *йухи / йохы / ййцэ / юв*

ЛСГ	Хантыйский язык						Мансийский язык					
	Казымский		Приуральский		Сургутский		Среднесо- сьвинский		Верхнесо- сьвинский		Кондинский	
	Кол- во	%	Кол- во	%	Кол- во	%	Кол- во	%	Кол- во	%	Кол- во	%
Акциональная	17	60	16	61,538	2	28,57	16	64	12	44,44	12	46,15
Пространственная	11	40	10	38,461	5	71,42	9	36	15	55,55	14	53,84
Всего	28	100	26	100	7	100	25	100	27	100	26	100

Таким образом, основным значением акциональных глаголов с превербами *йухи / йохы / ййцэ / юв*, формирующих аспектуальную и статальную семантику, является перфектное. При глаголах движения этот преверб выступает в своей первичной пространственной функции – выражения ориентации в пространстве. В зависимости от ЛСГ это либо грамматическая, либо семантическая функция.

При акциональных глаголах количество и система валентностей сохраняется или уменьшается.

Валентность глаголов движения / перемещения уменьшается, валентность двухвалентных акциональных глаголов с семантикой действия может сохраняться или уменьшаться.

Рассмотрим основные типы конструкций с глаголами в сочетании с превербами *йухи / йохы / ййцэ / юв*.

1. Если преверб присоединяется к двухвалентным акциональным глаголам, предполагающим субъект и объект, то количество валентностей сохраняется, семантика глагола модифицируется: он приобретает аспектуальное значение завершения действия, его результативности. Изменение семантики происходит по типу: «воздействие → результат воздействия, полное завершение действия в результате воздействия». При этом тип синтаксической модели не меняется, акциональная модель варьирует по категории аспектуальности, ср.:

- каз. *йаңици* ‘пить’ – *йухи йаңици* ‘выпить’;
- каз. *лавэмэты* ‘есть быстро’ – *йухи лавэмэты* ‘съесть быстро’;
- каз. *нэлыты* ‘жрать’ – *йухи нэлыты* ‘сожрать’;
- каз. *мэты* ‘дать, давать’ – *йухи мэты* ‘вернуть, возвратить’;
- каз. *вулытты* ‘останавливать, успокаивать’ – *йухи вулытты* ‘остановить, успокоить’;
- приур. *йиницты* ‘пить’ – *йохы йиницты* ‘выпить’;
- приур. *лавэмэты* ‘съесть’ – *йохы лавэмэты* ‘съесть’;
- приур. *щэратты* ‘лить (о дожде)’ – *йохы щэратты* ‘заливать внутрь’;
- приур. *лыты* ‘есть’ – *йохы лыты* ‘съесть’;
- манс. ср.сосьв. *аюнкве* ‘пить’ – *юв-аюнкве* ‘выпить’;
- манс. ср.сосьв. *аиглаункве* ‘выпивать’ – *юв-аиглаункве* ‘выпивать’;
- манс. ср.сосьв. *пувуункве* ‘держат’ – *юв-пувумтаункве* ‘сдержат’;
- манс. верхнесосьв. *атхатуункве* ‘собираться’ – *юв атхатуункве* ‘собираться домой’;
- манс. верхнесосьв. *аяллантуункве* ‘глотать’ – *юв-аяллантуункве* ‘проглотить’;
- манс. верхнесосьв. *ратуункве* ‘бить’ – *юв-ратуункве* ‘вбить, вколотить’;
- манс. верхнесосьв. *нэгуункве* ‘завязать’ – *юв-нэгуункве* ‘завязать покороче (букв.: назад)’;
- манс. конд. *тэуункве* ‘есть’ – *юв-тэуункве* ‘съесть’;
- манс. конд. *ватуункве* ‘съесть (о медведе)’ – *юв-ватуункве* ‘съесть (о медведе)’;
- манс. конд. *товтлаункве* ‘жевать’ – *юв-товтлаункве* ‘сжевать’; *пувумтаункве* ‘поймать, схватить’ – *юв-пувумтаункве* ‘сдержат’.

Приведём примеры употребления акциональных глаголов с превербами *йухи / йохы / йайцэ / юв.*: каз. *Тай шай май йухи йаӈлем* ‘Я выпью этот чай’; приур. *Лув лятӈтлал сара йохы лавэмэслы* ‘Он быстро съел еду’ (внутри); *Ма портунэм йохы йинцилэм* ‘Я выпью лекарство’; манс. ср. сосьв. *Ам тэрпи юв-аилум* ‘Я выпью лекарство’; *Тав тэнутэ молах юв тэстэ* ‘Он быстро съел еду (внутри)’; *Ам тэнутт юв урим бньсиянум* ‘Я экономлю продукты’; манс. конд. *Сӈлыягын мось юв-пӈвумталэгын* ‘Оленей своих немного придержи’.

2. Если преверб присоединяется к глаголам движения, имеющим три или две валентности (субъект, начальная и конечная точка движения), то происходит уменьшение количества валентностей: сохраняется только одна субъектная ва-

лентность. В живой речи одновременно обе локативные валентности реализуются редко, актуализируется указание либо на начальную, либо, чаще всего, на конечную точку движения. В моделях, формируемых глаголами движения, имеющими валентности КТО ДВИЖЕТСЯ ОТКУДА КУДА, валентность КУДА замещается превербом, актуализируется значение «внутри, домой», которое инкорпорируется в позицию предиката. Тип пропозиции не меняется: на семантическом уровне передается значение перемещения субъекта в пространстве, но изменяется актуальное членение фразы, в которой актуализируется результат движения, при этом конечная точка представляется как неважная, но известно, что движение осуществляется в обратном направлении или внутрь чего-либо, например:

каз. *мӈнты* ‘идти, ехать, лететь’ – *йухи мӈнты* ‘возвращаться’;
 каз. *рӈкӈнты* ‘упасть’ – *йохы рӈкӈнты* ‘ввалиться домой’;
 каз. *лууты* ‘залезть, войти’ – *йухи лууты* ‘войти внутрь’;
 каз. *хӈйцӈтӈыйӈлты* ‘отставать’ – *йухи хӈйцӈтӈыйӈлты* ‘отстать’;
 приур. *йохӈтты* ‘приехать’ – *йохы йохӈтты* ‘возвратиться’;
 приур. *рӈкӈнты* ‘упасть’ – *йохы рӈкӈнты* ‘ввалиться домой’;
 приур. *лӈнты* ‘войти’ – *йохы лӈнты* ‘войти внутрь’;
 сург. *йӈвӈт=та* ‘приехать, прийти, прилететь’ – *йӈцэ йӈвӈт=та* ‘возвратиться домой’;
 сург. *лӈнта* ‘войти’ – *йӈцэ лӈн=та* ‘войти внутрь’;
 манс. ср. сосв. *минуукве* ‘ехать’ – *юв-минуукве* ‘возвращаться’;
 манс. верхнесосьв. *ӈтуукве* ‘прийти’ – *юв-ӈтуукве* ‘возвратиться’;
 манс. конд. *сӈтуукве* ‘войти’ – *юв-сӈтуукве* ‘войти внутрь’.

Например: *Упэл йухи мӈнӈл* ‘Сестра=его домой едет’; каз. *Лув роман йухи ньхтӈслӈ* ‘Он неожиданно поехал обратно’; приур. *Хунты лув ньохрантман омасмал порайна, хулӈм хӈй йохы рӈкӈнсӈт (аркӈнсӈт)* ‘Когда он сидел, строгая (палочки), трое ввалились домой’; *Лув йохы лӈнсӈт* ‘Они вошли домой’; *Йайӈм йохы йохтӈс* ‘Брат возвратился’; сург. *Лин мӈл цӈтӈл йӈцэ йӈвӈтхӈн* ‘Они вчера приехали домой’; сург. *Цӈт нӈ йӈцэ лӈна* ‘Зайди хоть домой’; манс. ср. сосьв. *Тав сунн унтыс, юв-минас* ‘Он сел в упряжку, поехал домой’; *Хунь*

тав йӈв овил ӈргим унтлыс, хӈрум хӈтта колн юв та патанасыт ‘Когда он сидел, строгая палочки, трое ввалились в дом’; манс. конд. *Таи юв-сӈтуукве ат вӈрмыс* ‘Тот не сумел войти в дом’.

Если преверб присоединяется к двухвалентным пространственным глаголам, предполагающим субъект и локативную валентность (куда), то количество валентностей уменьшается, семантика глагола модифицируется: он приобретает аспектуальное значение завершения действия, его результативности.

керлӈты ‘повернуться’ – *йухи керлӈты* ‘возвратиться’;
 приур. *керлӈты* ‘повернуться’ – *йохы керлӈты* ‘возвратиться’;
 сург. *кирӈх=та* ‘повернуться’ – *йӈцэ кирӈх=та* ‘возвратиться’;
 манс. ср. сосв., верхнесосьв. *тӈйтхӈатуукве* ‘спрятаться’ – *юв-тӈйтхӈатуукве* ‘сидеть дома (букв.: спрятаться домой)’;
 манс. верхнесосьв. *нӈгуукве* ‘завязать’ – *юв-нӈгуукве* ‘завязать покороче (веревку) (букв.: назад, обратно)’;
 манс. конд. *хультуукве* ‘остаться’ – *юв-хультуукве* ‘опоздать, отстать (букв.: назад отставать, остаться)’.

Приведём примеры: каз. *Йайэн йухи керлэс* ‘Брат=твой возвратился’; приур. *Асат йохы керлэсэт* ‘Все повернули назад’; манс. *Нау юв-түйтхātэн, тах ат хōнтавен* ‘Ты спрячься домой, не найдут’.

3. Если преверб присоединяется к четырёхвалентным или трёхвалентным глаголам перемещения (субъектная, объектная и две локативных валентности), то количество валентностей сокращается до двух, но тип пропозиции не меняется, ср.: каз. *пөхэлмэты* ‘толкнуть’: *Нāн лүвэт реп эвэлт ул пөхэлмэсэн* ‘Ты его с горы толкнул’ – *Йиңкэл тāхты нүлэмасы, лōнцэл тāхты нүлэмасы, йухи пөхэлмэсы* ‘Воду с него слизнули, снег слизнули, в жилище втолкнули’; каз. *еслэмтты* ‘выпустить, отпустить, спустить’: *Пухэн сохлэт хот ланал эвэлт ул еслэмтсэлэ* ‘Сын твой доски с крыши вниз спустил’ – *Ма амнем йухи еслэмтлэм* ‘Я собаку спущу’;

сург. *йāцэ китта* ‘отправить домой’; *йāцэ āсэлта* ‘впустить внутрь’: *Ма лүват йāцэ энтэ āсэллэм* ‘Я не впусти его домой’; *ҫынт йāцэ тувэм* ‘Я кузов внутрь (в помещение) отнесла’; *Аңкэмнэ лүв кулал йāцэ тувтэх* ‘Мама рыбу внутрь (в помещение) занесла’; *Лүв йāцэ пāвлэми* ‘Его втолкнули внутрь’

манс. среднесосв. *пувтмуункве* ‘толкнуть’: *Тав колн юв-пувтмавес* ‘Его втолкнули в жилище’;

манс. конд. *Ты керсолин юв-ратэлын* ‘Вбей свой гвоздь вовнутрь’.

Преверб вносит значение завершённости: субъект перемещается незначительно, либо конечная точка перемещения объекта в пространстве становится неактуальной, акцент падает на самое действие:

каз. *лелэмтты* ‘сесть’ – *йухи лелэмтты* ‘поехать домой’;

каз. *нүхтэты* ‘двинуть, шевельнуть’ – *йухи нүхтэты* ‘двинуться назад’; *хāньэмэты* ‘спрятаться’ – *йухи хāньэмэты* ‘спрятаться домой’;

приур. *лелэмтты* ‘сесть’ – *йохы лелэмтты* ‘сесть (на нарты) и поехать домой’.

Примеры: каз. *Лүв йухи лелэмтэс* ‘Он поехал домой’; каз.: *Унем щāта хāньэмэс* ‘Сестра там спряталась’ – *Унем иса йухи хāньэмэс* ‘Сестра постоянно дома (букв.: домой спряталась)’.

Количество валентностей за счёт введения преверба уменьшается, меняется и синтаксическая модель: преверб репрезентирует семантическую валентность «обратно / домой / внутрь», которая в структуре предложения отдельной позицией не выражена, но заключена в семантику

преверба. В этом состоит отличие хантыйских предложений с глаголами типа *впускать, сунуть, внести* и подобных от русских, ср.: *Йэтэн амнем йухи еслыйэллэм* ‘Вечером я собаку впускаю **домой**’; *Непэкал ов хөла йухи лүкемэслэ* ‘Он сунул бумагу в щель двери **внутрь**’; *Тāхтэн нāн йухи луулэлтэ* ‘Занеси шкуру **домой**’; *Нāн лүвэт йухи партэ* ‘Ты отправь её **назад**’. Для всех глаголов данной группы характерен однотипный перенос значения: воздействие на объект (без указания на результат этого воздействия) → перемещение объекта в обратную сторону, назад, внутрь помещения, возврат в сторону исходного направления. Глагол без преверба указывает на то, что к объекту приложена некоторая сила, преверб актуализирует незначительное изменение позиции или перемещение объекта в результате воздействия. Перенос происходит по типу «акциональная модель → модель перемещения»:

каз. *есэлты* ‘отпустить’ – *йухи есэлты* ‘впустить’;

приур. *пōткэты* ‘толкнуть’ – *йохы пōткэты* ‘втолкнуть’;

манс. ср. сосв. *пувтмуункве* ‘толкнуть’ – *юв-пувтмуункве* ‘втолкнуть’.

Акциональные глаголы и глаголы с семантикой перемещения в сочетании с превербом могут употребляться во всех типах спряжения, это зависит от конкретной коммуникативной установки говорящего, но глагол чаще употребляется в объектном спряжении, так как предполагается перемещение предмета, то есть оперирование над объектом действия, некоторое изменение его позиции.

4. При присоединении преверба к глаголам состояния ЛСГ не меняется, происходит модификация семантики глагола, формируется вариант статальной модели со значением изменения состояния, например: каз. *лавлэсты* ‘находиться в ожидании’ – *йухи лавлэсты* ‘воздержаться’: *Ма хүвэн лавлэслэм* ‘Я давно нахожусь в ожидании’ – *Нāн йухи лавлэса* ‘Ты воздерживайся’; каз. *йерэмты* ‘застрять, быть в затруднительном положении’ – *йухи йерэмты* ‘затрудниться (о дыхании)’: каз. *Лылэм иса йухи йермэс*; приур. *Лылэм йохы йермэл* ‘Дыхание=мое затруднилось (букв.: внутрь застряло)’; каз. *вуцлэмтты* ‘скользнуть’ – *йухи вуцлэмтты* ‘притупиться (букв.: назад скользнуть)’; *Кэши йэнэл йухи вуцлэмтэс* ‘Лезвие ножа притупилось (букв.: скользнуло назад, обратно)’; приур. *Йэрт йохы щāратэс* ‘Дождь заливает внутрь помещения’;

приур. *Льлэм йохы йэрмэл* ‘Мне тяжело дышать (букв.: дыхание мое внутри застряло)’; манс. ср. сосв. *уруункве* ‘ждать’ – *юв-уруункве* ‘сдерживаться’: *Нау юв-урхатэн* ‘Ты сдерживайся’. манс. ср. сосв. *сосхатуункве* ‘литься’ – *юв-сосхатуункве* ‘заливать внутрь’; манс. ср. сосв. *Ракв вит кол кивырн юв сосхаты* ‘Дождь заливает внутрь помещения’.

Итак, во всех трёх наблюдаемых диалектах хантыйского языка стержневым значением глаголов с превербом является действие, что отражает, в соответствии с этой семантикой, формирование акциональной модели. Акциональная семантика в диалектах хантыйского языка формируется данной превербальной единицей примерно в одинаковом процентном соотношении, более всего она выражена в казымском диалекте хантыйского языка. В мансийском языке в обоих говорах предпочтение отдаётся акциональной семантике глагола, пространственная семантика является менее распространённой.

Обсуждение и заключение

Наличие преверба *йухи / йохы / ййэ / юв* при бытийно-пространственных глаголах указывает на то, что объекты движутся или перемещаются в обратном направлении, при статальных глаголах они обозначают некоторое торможение движения или действия, что приводит к изменению состояния субъекта, при акциональных – полное завершение действия.

Это типично для статальных и акциональных предложений, в которых система валентностей сохраняется, не меняется и тип модели. Преверб формирует аспектуальный вариант статальной или акциональной модели, происходит варьирование в пределах парадигмы модели. Таким образом, особенностью обско-угорских языков является формирования аспектуальных вариантов статальных и акциональных моделей при помощи превербов.

Бытийно-пространственные предложения характеризуются особенностями коммуникативной структуры: превербы указывают на актуализацию предиката (предикат – в реме), поэтому позиции локализатора редуцируются, конечная точка представляется как неопределённая или неважная. Изменение количества валентностей происходит только при глаголах движения и перемещения.

Превербы мансийского языка *юв* и *ювле* различаются формированием разных ЛСГ глаголов,

так преверб *ювле* формирует в основном глаголы состояния и речи: *юв* указывает на завершённость действия, *ювле*, кроме аспектуального, вносит и значение завершённости, указывает на некоторое торможение движения или кратковременное направление действия в обратную сторону, что ведет к изменению состояния, движения, оно меняется полностью и необратимо: конд. *ювле-аук-ватаункве* ‘оглянуться’, *ювле-хультуункве* ‘отстать, опоздать’, *ювле-лавуункве* ‘ответить, возразить’; верхнесосв. *ювле-лавуункве* ‘огрызнуться, не подчиняться’, *ювле-хуйтуункве* ‘быть печальным, грустным’, *ювле-номсаункве* ‘думать о доме, родных’. Например: *Каңкум ювле ёхтыс* ‘Брат возвратился’; *Пуссын ювле ёхсыт* ‘Все повернули назад’; *Мән товлынухыпыл ювле хультсув* ‘Мы опоздали на самолет’; *Касай элмитэ ювле восьлыс* ‘Лезвие ножа притупилось’; *Тав кёр-солит тōтап кивырн ювле ратсанэ* ‘Она гвозди вколотила (назад) внутрь ящика’; *Ам лылым ювле марыс* ‘Дыхание мое затруднилось (букв.: внутри застряло)’.

В сургутском диалекте у преверба *ййэ* имеется синоним – *пэрхи*, который употребляется в аспектуальном и пространственном значении, ср.: *ййэнта* ‘прийти, прилететь’ – *пэрхи ййэнта* ‘возвратиться’; *сөччэхэ* ‘шагать’ – *пэрхи сөччэхэ* ‘двинуться назад’; *мэнта* ‘дать’ – *пэрхи мэнта* ‘вернуть’; *кирэхэнта* ‘повернуть’ – *пэрхи кирэхэнта* ‘возвратиться’; *айкэрэмтэнта* ‘взглянуть’ – *пэрхи айкэрэмтэнта* ‘оглянуться’. Приведем примеры: *Йоҳ айнам пэрхи кирэхэнт* ‘Все повернули назад / обратно’; *Йэи майэ ййэнтэ пэрхи ййэнт* ‘Брат возвратился вчера’; *Йярнас мантэма пэрхи майе* ‘Платье мне верни’.

Однако нельзя говорить о полной синонимии в отношении каких-либо превербов, так как имеющийся материал показывает, что не все глаголы присоединяют те или иные превербы. В ряде случаев происходит не только изменение конструкции, но и значительное изменение семантики глагола при присоединении того или иного преверба, а также и замена преверба. Так в сургутском диалекте для передачи семантики приема пищи в составе глагола используется не преверб ‘внутри’, как ожидается в случае с казымским, приуральским диалектами и мансийским языком, а преверб – *нёу* ‘вверх’, имеющий перфектное значение: *Ма пәнпэт нёу йэнтэ* ‘Я выпью лекарство (букв.: вверх выпью)’; *Лјувнэ сорха литёт нёу ливи* ‘Он быстро съел еду’; *Ййэнта лилэнтэ йэнтэ пәнэ ййэнтэ йэнтэ тыва (бутэна)*,

энтэ тулэн бунта, тут ма нун мөблэ нөбү диллам 'Сходи и принеси живую воду и мертвую воду, если не принесешь, тогда я сожру птенцов'; *Кунчэнтнат лэйлэты панэ нөбү нэйлэжэмы* 'Схватили его коготками и сожрали'.

Наличие закономерностей при выборе преверба требует дальнейших наблюдений, они пока не столь очевидны.

Итак, с помощью преверба *йухи / йохы / ййқэ / юв* в обско-угорских языках формируются аспектуальные варианты акциональных моделей элементарного простого предложения (модель оперирования над объектом и деятельности), две пространственные модели (перемещения и движения) и одна статальная модель (модель изменения состояния). Варьирование предиката направлено на один из компонентов: для акциональных моделей – на объект, для пространственных моделей – на субъект и объект. У глаголов в сочетании с превербом система валентностей уменьшается, локативные валентности берёт на себя преверб, происходит модификация их семантики. Валентность двухвалентных акциональных глаголов не изменяется.

В казымском и приуральском диалектах хантыйского языка значительных расхождений при формировании семантики глаголов с исследуемыми превербами не наблюдается, имеются лишь отдельные лексические различия; однако для сургутского диалекта при формировании значений предпочтение отдаётся пространственной семантике глаголов. Перфектное значение для данного преверба не характерно. При необходимости выразить завершенность действия используется антонимичный преверб «вверх», утрачивающий в данном случае своё лексическое значение и выражающий собственно грамматические аспектуальные значения.

Основной семантикой глагола с превербом является воздействие на объект с целью его движения / перемещения в обратном направлении: для казымского и приуральского диалектов хантыйского языка, а также среднесосьвинского диалекта мансийского языка превалирует акциональная семантика; пространственная семантика является более приемлемой для глаголов сургутского диалекта хантыйского языка и верхнесосьвинского и кондинского диалектов мансийского языка.

Список условных сокращений

вах. – ваховский	манс. – мансийский
верхнесосьв. – верхнесосьвинский	приур. – приуральский
каз. – казымский	ср. сосьв. – среднесосьвинский
конд. – кондинский	сург. – сургутский

Список источников и литературы

1. Баландин А. Н., Вахрушева М. П. Мансийско-русский словарь. Л.: Лен. отд. Учпедгиза, 1958. 227 с.
2. Варда В. Е. Превербы в восточных диалектах хантыйского языка // Вестник ТГПУ. 2016. № 2. С. 43–49.
3. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты) / С. И. Вальгамова, Н. Б. Кошкарева, С. В. Онина, А. А. Шиянова. Екатеринбург: Баско, 2011. 208 с.
4. Закирова А. Н., Муравьев Н.А. Превербы *пөх* и *йөх* в западных диалектах хантыйского языка: аспектуальный и дискурсивный анализ // Урало-алтайские исследования. 2019. № 4 (35). С. 53–70.
5. Кашкин Е.В. Глаголы с семантикой закрывания и открывания в западных говорах хантыйского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. № 4 (18). С. 16–28.
6. Кошкарева Н. Б. Бытийно-пространственные типовые синтаксические структуры и их семантика в хантыйском и ненецком языках // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. № 9. С. 53–65.
7. Кошкарева Н. Б. Коммуникативная парадигма хантыйского предложения // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск: СО РАН, 2002. Вып. 12. С. 29–44.
8. Кошкарева Н. Б. Пропозиция и модель // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 4. С. 70–80.
9. Молданова И. М. Акциональные суффиксы межкатегориального словообразования в хантыйском языке (на материале казымского диалекта) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 4. С. 216–227.
10. Нахрачева Г. Л. Глаголы болевых ощущений в обско-угорских языках: семантика и механизмы семантической деривации // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 4. С. 681–691.
11. Ромбандеева Е. И., Кузакова Е. А. Мансийско-русский и русско-мансийский словарь. Ленинград: Просвещение, 1982. 360 с.
12. Ромбандеева Е. И. Современный мансийский язык. Тюмень: Формат, 2017. 318 с.
13. Сайнахова А. И, Игушев Е.А. Деривационные форманты мансийского языка. Ханты-Мансийск: Юграфика, 2012. 249 с.
14. Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2020. 689 с.
15. Соловар В. Н., Бурыкин А. А. Семантика преверба *нух* и его роль в изменении валентности глагола (на материале казымского диалекта хантыйского языка) // Вестник угроведения. 2017. Т. 7. № 4. С. 17–27.

16. Соловар В. Н. Семантические особенности обско-угорских глаголов с превербом –лӓп / лап // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 1. С. 71–82.
17. Соловар В. Н. Картина мира хантыйского языка: семантические особенности хантыйских глаголов с превербами -ул и ким/кэм (на фоне мансийского языка) // Хантыйский мир через призму разноструктурных языков. Ханты-Мансийск: Печатный мир, 2019. С. 149–187.
18. Соловар В.Н. Структурно-семантическая характеристика обско-угорских глаголов с превербами кӓтна / катӓщ / катнащ / китхи / киттыг ‘надвое’ // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 2. С. 313–322.
19. Федоркив Л. А. Функционально-семантическая характеристика неопределённого местоимения мулты в хантыйском языке // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 3. С. 499–509.
20. Черемисина М. И. О системности в сфере моделей предложения // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск: НГУ, 1995. Вып. 1. С. 3–21.
21. Шиянова А. А. Обозначение цвета в диалектах хантыйского языка: структура и семантика лексических единиц // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 4. С. 747–755.
22. Honti L. Das Alter und die Entstehungsweise der “Verbalpräfixe” in uralischen Sprachen (Unter besonderen Berücksichtigung des Ungarischen). Teil 1 // *Linguistica Uralica*. 1999. Vol. 35. № 2. Pp. 81–97.
23. Honti L. Das Alter und die Entstehungsweise der “Verbalpräfixe” in uralischen Sprachen (Unter besonderen Berücksichtigung des Ungarischen). Teil 2 // *Linguistica Uralica*. 1999. Vol. 35. № 3. Pp. 161–176.
24. Kiefer F. Verbal prefixation in the Ugric languages from a typological-areal perspective // Eliasson S., Jahr E.H. (eds.). *Language and its Ecology: Essays in Memory of Einar Haugen*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1997. Pp. 323–341.
25. Kiefer F, Honti L. Verbal prefixation in the Uralic languages // *Acta Linguistica Hungarica*. 2003. Vol. 50. 1–2. Pp. 137–153.
26. Nikolaeva I. A. *Ostyak*. München; Newcastle: Lincom Europa, 1999. 110 p.
27. Steinitz W. *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*. Berlin: [w/p], 1966–1991. 2019 p.
28. Steinitz W. *Ostjakologische Arbeiten. Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie*. Berlin: Akademie-Verlag, 1980. Band IV. Pp. 497.
29. Virtanen S. Grammaticalized preverbs of aspect and their contribution to expressing transitivity in Eastern Mansi // *Nyelvtudományi Közlemények*. 2014. Vol. 109. Pp. 109–122.

References

1. Balandin A. N., Vahrusheva M. P. *Mansijsko-russkij slovar’* [Mansi-Russian dictionary]. Leningrad: Leningradskoe otdelenie Uchpedgiza Publ., 1958. 227 p. (In Russian)
2. Varda V. E. *Preverby v vostochnyh dialektah hantyjskogo yazyka* [Preverbs in the Eastern dialects of the Khanty language]. *Vestnik TGPU* [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University], 2016, no. 2, pp. 43–49. (In Russian)
3. Valgamova S. I., Koshkareva N. B., Onina S. V., Shiyanova A. A. *Dialektologicheskij slovar’ hantyjskogo yazyka (shuryshkarskij i priural’skij dialekty)* [Dialectological dictionary of the Khanty language (Shuryshkar and Ural dialects)]. Yekaterinburg: Basko Publ., 2011. 208 p. (In Russian)
4. Zakirova A. N., Muravyov N. A. *Preverby nõχ i jõχi v zapadnyh dialektah hantyjskogo yazyka: aspektual’nyj i diskursivnyj analiz* [Preverbs nõχ and jõχi in the Western dialects of the Khanty language: aspectual and discursive analysis]. *Uralo-altajskie issledovaniya* [Ural-Altai Studies], 2019, no. 4, pp. 53–70. (In Russian)
5. Kashkin E. V. *Glagoly s semantikoy zakryvaniya i otkryvaniya v zapadnyh govorah hantyjskogo yazyka* [Verbs with the semantics of opening and closing in the Western dialects of the Khanty language]. *Tomskij zhurnal lingvisticheskij i antropologicheskij issledovaniy* [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research], 2017, no. 4 (18), pp. 16–28. (In Russian)
6. Koshkareva N. B. *Bytjno-prostranstvennye tipovye sintaksicheskie struktury i ih semantika v hantyjskom i neneckom jazykah* [Existential and spatial typical syntactic structures and their semantics in the Khanty and Nenets languages]. *Vestnik NGU. Serija: Istorija, filologija* [Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology], 2018, no. 17 (9), pp. 53–65. (In Russian)
7. Koshkareva N. B. *Kommunikativnaja paradigma hantyjskogo predlozhenija* [Communicative paradigm of a Khanty sentence]. *Jazyki korennyh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk: SO RAN Publ., 2002. Vol. 12. pp. 29–44. (In Russian)
8. Koshkareva N. B. *Propozicija i model’* [Proposition and a model]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanities in Siberia], 2004, no. 4, pp. 70–80. (In Russian)
9. Moldanova I. M. *Aksional’nye suffiksy mezhkategorial’nogo slovoobrazovaniya v khantyjskom yazyke (na materiale kazymskogo dialekta)* [Actional suffixes of inter-categorical word formation in the Khanty language (based on the material of the Kazym dialect)]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2018, no. 4, pp. 216–227. (In Russian)
10. Nakhracheva G. L. *Glagoly bolevyh oshchushchenij v obsko-ugorskih jazykah: semantika i mehanizmy semanticheskoy derivatsii* [Verbs of pain in the Ob-Ugric languages: semantics and mechanisms of semantic derivation]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (4), pp. 681–691. (In Russian)
11. Rombandeeva E. I., Kuzakova E. A. *Mansijsko-russkij i russko-mansijskij slovar’* [Mansi-Russian and Russian-Mansi dictionary]. Leningrad: Prosveshchenie Publ., 1982. 360 p. (In Mansi, Russian)

12. Rombandeeva E. I. *Sovremennyy mansijskij yazyk* [Modern Mansi language]. Tyumen: Format Publ., 2017. 318 p. (In Russian)
13. Saynakhova A. I, Igushev E.A. *Derivacionnye formanty mansijskogo jazyka* [Derivational formants of the Mansi language]. Khanty-Mansiysk: Yugrafika Publ., 2012. 249 p. (In Russian, Mansi)
14. Solovar V. N. *Hantyjsko-russkij slovar' (kazymskij dialekt)* [Khanty-Russian dictionary (Kazym dialect)]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN Publ., 2020. 689 p. (In Khanty, Russian)
15. Solovar V. N., Burykin A. A. *Semantika preverba nuh i ego rol' v izmenenii valentnosti glagola (na materiale kazymskogo dialekta hantyjskogo jazyka)* [Semantics of the preverb nuh and its role in change of the valence of a verb (on the material of the Kazym dialect of the Khanty language)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2017, no. 7 (4), pp. 17–27. (In Russian)
16. Solovar V. N. *Semanticheskie osobennosti obsko-ugorskih glagolov s preverbom –läp / lap* [Semantic specifics of Ob-Ugric verbs with the preverb –läp / lap]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (1), pp. 71–82. (In Russian)
17. Solovar V. N. *Kartina mira hantyjskogo jazyka: semanticheskie osobennosti hantyjskih glagolov s preverbami –ij i kim/kem (na fone mansijskogo jazyka)* [The picture of the world of the Khanty language: semantic features of the Khanty verbs with the preverbs –ij and kim / kem (against the background of the Mansi language)]. *Hantyjskij mir cherez prizmu raznostrukturnyh jazykov* [The Khanty world through the prism of languages with different structures]. Khanty-Mansiysk: Pechatnyj mir g. Khanty-Mansiysk Publ., 2019. pp. 149–187. (In Russian)
18. Solovar V. N. *Strukturno-semanticheskaya harakteristika obsko-ugorskih glagolov s preverbami kätna / katashch / katnashch / kityi / kittyg 'nadvoe'* [Structural and semantic characteristics of Ob-Ugric verbs with the preverbs kätna / katashch / katnashch / kityi / kittyg 'in two']. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2020, no. 10 (2), pp. 313–322. (In Russian)
19. Fedorkiv L. A. *Funktsional'no-semanticheskaya harakteristika neopredelennogo mestoimeniya möl'ti v hantyjskom jazyke* [Functional and semantic characteristics of the indefinite pronoun möl'ti in the Khanty language]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (3), pp. 499–509. (In Russian)
20. Cheremisina M. I. *O sistemnosti v sfere modeley predlozheniya* [About systematic character in the sphere of sentence patterns]. *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Indigenous Languages of Siberia]. Novosibirsk: NGU Publ., 1995. Vol. 1. pp. 3–21. (In Russian)
21. Shiyanova A. A. *Oboznachenie tsveta v dialektakh hantyjskogo jazyka: struktura i semantika leksicheskikh edinit* [Color designation in dialects of the Khanty language: structure and semantics of lexical units]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2019, no. 9 (4), pp. 747–755. (In Russian)
22. Honti L. Das Alter und die Entstehungsweise der «Verbalpräfixe» in uralischen Sprachen (Unter besonderen Berücksichtigung des Ungarischen). Teil 1. *Linguistica Uralica*, 1999, no. 35 (2), pp. 81–97. (In German)
23. Honti L. Das Alter und die Entstehungsweise der «Verbalpräfixe» in uralischen Sprachen (Unter besonderen Berücksichtigung des Ungarischen). Teil 2. *Linguistica Uralica*, 1999, no. 35 (3), pp. 161–176. (In German)
24. Kiefer F. Verbal prefixation in the Ugric languages from a typological-areal perspective. Eliasson S., Jahr E.H. (eds.). *Language and its Ecology: Essays in Memory of Einar Haugen*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1997. pp. 323–341. (In English)
25. Kiefer F, Honti L. Verbal prefixation in the Uralic languages. *Acta Linguistica Hungarica*, 2003, no. 50 (1–2), pp. 137–153. (In English)
26. Nikolaeva I. A. *Ostyak*. München; Newcastle: Lincom Europa, 1999. 110 p. (In English)
27. Steinitz W. *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache*. Berlin: [w/p], 1966–1991. 2019 p. (In German)
28. Steinitz W. *Ostjakologische Arbeiten. Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie*. Berlin: Akademie-Verlag, 1980. Band IV. 497 p. (In German)
29. Virtanen S. Grammaticalized preverbs of aspect and their contribution to expressing transitivity in Eastern Mansi. *Nyelvtudományi Közlemények*, 2014, no. 109, pp. 109–122. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соловар Валентина Николаевна, главный научный сотрудник, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14А), доктор филологических наук.

solovarv@rambler.ru

ORCID.ID 0000-0003-4894-0117

ABOUT THE AUTHOR

Solovar Valentina Nikolaevna, Chief Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira st., 14A), Doctor of Philological Sciences.

solovarv@rambler.ru

ORCID.ID 0000-0003-4894-0117